

МАРТИН ХАЙДЕГГЕР: АРХИТЕКТОНИКА ИЗНАЧАЛЬНЫХ МОДАЛЬНОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ

© 2015 В.Б.Малышев

Самарский государственный технический университет

В настоящем исследовании концепция изначального языка М.Хайдеггера переплетается с семантикой и архитектурной аудиальной восприятия фактов европейской духовной культуры. В соответствии с концепцией М.Хайдеггера, человек выступает как «пастух» бытия, осуществляющий служение ему и транслирующий истину бытия в культуре.

Ключевые слова: бытие, архитектоника, язык, культура, аудиальное, визуальное, семантика колокольного звона.

В истории европейского метафизического мышления как части истории культуры просматривается некое особое понимание человека как существа, стоящего на пороге бытия и вступающего в резонанс с его звучанием. Согласно концепции М.Хайдеггера, человек выступает как «пастор» или «пастух» бытия, предстоящий его сокровенной истине и транслирующий ее в культуре. В эпоху распада былых ценностей европейской культуры представляется весьма актуальным заострить внимание на сокровенных истоках ее архитектурной, которые могут быть представлены семантикой готических соборов, колокольного звона и языка богослужения. Однако одной семантики здесь недостаточно, архитектоника изначальных модальностей культуры должна быть и онтологически.

В настоящем исследовании представляется необходимым по-новому интерпретировать экзистенциал «пастух бытия» как «пастор бытия» для семантического расширения термина. Прежде всего, термин «пастор» наполнен семантикой служения культуре, во-вторых, отсылает к семантике готических соборов как одного из символов европейской культуры. Будучи «пастором» бытия, европейский человек создает мир культуры не в согласии с природой (греч. φύσις), а вопреки ей, «из ничего», ex nihilo, «вымыслив» нечто из глубин собственного воображаемого, выстраивая хаос по определенному вектору, опосредуя свой вымысел текстом Священного писания и теологическим дискурсом. Лучшим символом архитектурной метафизического в европейском понимании выступают такие фигуры как готический собор, механические часы. Членение архитектурных ансамблей сродни схоластической логике, что весьма убедительно доказано Э.Панофским. Хи

меры воображаемого, вначале устрашающие и бесформенные, подчиняются заклинаниям метафизического мышления, произносимым на латыни. Затем они выстраиваются по линиям готического дискурса, скользя, словно по конструктивным элементам готического собора, по его ребрам, стрельчатым аркам, аркбутанам и опорам.

Итак, европейское воображаемое имеет свою особую архитектонику, которую необходимо понять в области ее истока. Свет на эту проблему проливает семантика «разборчивого собирания» изначального «фанерона» культуры, ее знаковости, той просветляющей середины, вокруг которой произойдет собирание аудиальных, визуальных и иных кодов. В работе «Время картины мира» («Die Zeit des Weltbildes») М.Хайдеггер подчеркивает происхождение античного понимания субъекта от греческого ὑποκείμενον. Значение слова ὑποκείμενον отсылает к инстанции внечеловеческого, которую мы понимаем как «вынесенную субъектность», доиндивидуальную по своей природе. Хайдеггер указывает, что в своем изначальном смысле в античности ὑποκείμενον понималось как «предлежащее», которое «будучи основой, все собирает вокруг себя как центра»¹. Такое «разборчивое собирание» становится архитектурной изначальных модальностей культуры.

Как выстраивается концепция человека как «пастора» или «пастуха» бытия? Она возникает не из «присутствия» в социальном мире, а из присутствия в уединении. Это телеология одиночества и осознания своей конечности. Только в подобном одиночестве, словно в монашеской келье, достигает человек «близости к существованию всех вещей, к миру»². Во-первых, в горизонтальном измерении существует система «ролей». М.Хайдеггер ставит

⁰ Малышев Владислав Борисович, доктор философских наук, доцент кафедры философии.
E-mail: vlmaly@yandex.ru

¹ Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М.Хайдеггер. – М.: Гнозис, 1993. – С. 146.

² Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления / М.Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 331.

проблему следующим образом. Та система ликов, в которых предстает человек в социуме, «животное, шут цивилизации, хранитель культуры, даже личность, – не есть ли все это в нем только тень чего-то совсем другого, того, что мы именуем присутствием (Dasein)»³. Тем не менее, совершая маятниковообразное движение от концепции М.Хайдеггера до областей вульгарного социологизма, медиацией указанных терминов, золотой серединой будет термин «служение» как «вслушивание» в сокровенное звучание бытия. И если, по мнению М.Хайдеггера, философия всегда осуществляется в некоем фундаментальном настроении, то мелодии бытия, пронизывающие и настраивающие человека на такое служение, скорее есть звон тишины, чем шум машин, самый главный звук современной техногенной цивилизации. Ведь основной язык ее – информационный язык компьютера, где «мера одна – квант»⁴.

Симуляция бытия современным человеком означает тотальную семиотизацию бытия (от греч. *semeion* – знак): знаки заполнили собой все, ни к чему не отсылая, и у этих знаков нулевое значение. Например, просматривая рекламный ролик или кинофильм, мы все чаще видим образы вещей, не существующих в реальности, но смонтированных на компьютере. Термин *симулякр* (*simulacres*, от *simulation* – симуляция) это не просто «копия копии», это некий «дьявольский образ» реальности, химера воображаемого. Оставив позади живой смысл нашего бытия, мы предпочитаем мыслить некие ложные тождества, фантазмагии, симулякры. Понятия и знаковые образования уже не соотносимы напрямую с реальностью. Это знаковость, которая лжет, она порождает экзистенциальный вакуум. Поэтому основополагающим вопросом современной жизни является уже не столько гамлетовское «быть или не быть», сколько вопрос: как услышать глас бытия, как ощутить его живое присутствие? Видимо, для этого надо самому стать его «пастухом».

Во-вторых, в вертикальном измерении существуют некие функциональные или сословные «страты». «Человеческая махинация» как судьба человека в современном бездушном и безмерном мире все же имеет некие незыблительные ориентиры, и «розу ветров» здесь формирует единственная высшая инстанция. Человек напрасно считает себя венцом эволюции, «обманывая себя и других, такой инстанцией является само Бытие.

В настоящем исследовании в качестве вертикальных «страт» метафизического мышления рассматриваются «пастушество», «стража», «забота»

как онтологические проекции человека культуры, согласно концепции М.Хайдеггера, изложенной в работе «Письмо о гуманизме». Хайдеггера «триада бытия» выливается в такую идеализированную концепцию как платонова «трехфункциональность», стратифицирующая идеальное государство с его базовыми сословиями: ремесленники, стражи, мудрецы. Экзистенциал «стражи», «стратегии» онтологически выше «пастушества», ибо степень ответственности возрастает. Еще выше по степени онтологического напряжения находится «забота», которая уже является не просто «службой», но «служением» бытию.

Метафора культуры как «пасторского дома» связывает тексты М.Хайдеггера и Ф.Ницше. М.Хайдеггер цитирует фразу из письма Ф.Ницше: «Я как трава на погосте – родился человеком в пасторском доме» (*Ich bin als Pflanze nahe dem Gottesacker, als Mensch in einem Pfarrhause geboren*)⁵. Каков же символический инструмент, задающий основной тон бытия человека как «пастора» в «доме» культуры, источник той мелодии бытия, которая вдохновляет человека на служение высшей инстанции? Говоря о Боге, мы одновременно говорим о самом бытии в его сакральном, высшем смысле. Говоря же о бытии, то, что вызревает в жителствовании человека как «наилучшее», самое «светлое» мы именуем культурой. Архитектонику собирания этого «лучшего» мы понимаем как изначальные модальности культуры, образующие ее «просветляющую середину». Понимание культуры как «просветляющей середины» дополняется метафорой культуры как «колокола». Последняя метафора обозначена в трудах Ф.Ницше. «Культура возникла, как колокол, в оболочке из более грубого и низменного материала: неправда, насильственность, бесконечное расширение всех отдельных Я, всех отдельных народов были этой оболочкой»⁶. Достаточно очевидно, что в этом фрагменте из Ницше имеется ввиду наиболее простая технология изготовления колокола. Живой иллюстрацией такого схематизма культуры могла бы быть упрощенная схема отливки колокола. Представим примитивную технологию изготовления колокола, когда рылась яма в земле, соответствующая размерам и контурам будущего колокола. Яма тщательно обмазывалась глиной – оболочкой будущего шедевра. В яму заливался расплавленный металл. При отливке, перефразируя Ницше, «застывает все текучее». Из этой грубой глиняной оболочки, после заливки и осты-

³ Хайдеггер, М. Время и бытие: .... – С.331.

⁴ Хайдеггер, М. Время и бытие: .... – С.300.

⁵ Heidegger, M. Gesamtausgabe. Band 6.1. Nietzsche 1 (1936 – 1939) / M.Heidegger. – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1996. – S.230

⁶ Ницше, Ф. Сочинения / Ф.Ницше. В 2-х т. – Т.1. – М.: Мысль, 1996. – С. 370.

вания металла в форме, мастер разбивает форму, словно скорлупу, и внезапно возникает божественный медный силуэт. Из полости звучащего колокола с помощью медиатора-языка в мир проецируется самый ценный аспект текучести – поток звуковых колебаний. Эта вибрация, порождаемая культурной «оболочкой», как «торжественный колокольный звон великих событий», является эффектом глубоких эпохальных метаморфоз, безучастных к тому, что творимо людьми⁷.

Звон колокола, как эффект изначальной тишины символизирует допредикативное понимание языка. Культурные априори не зависят от оболочки, они допредикативны. Допредикативные структуры очень хорошо изучены, например, П.П.Гайденко⁸. Колокольный звон как вибрация эмпирического свойства отсылает к той самой «тиши», где зов или слушание важнее самого звучания. Вспомним, например, шекспировское из «Гамлета»: «слушай, слушай, слушай», которому неким образом противостоит «слова, слова, слова». Слова – биение колокола, замирание звука в толще колокольной меди – уход потенциальной мощи в виртуальное состояние. Потенциальная мощь важнее внешних своих кинетических проявлений. Сама мощь колокола существует как нечто трансцендентное, внечеловеческое, эмпирические проявления которого лишь подводят к своему источнику. Когда такой колокол звучит, это скорее эффект великой тишины и неземного покоя, чем покорность человеческой воле, руке звонаря. В европейской культуре, в литературе и драматургии, кино, есть очень хороший образ для иллюстрации. Этот образ детально проработан В.Гюго. Уродливый звонарь Квазимодо, подобно хтоническому чудовищу индоевропейских мифов открывает нам тайну изначального звука, тайну изначальных слов, и, в конечном счете, тайну языка. Однако изначальной ловушкой в метафизическом лабиринте является то, что нам неизвестно должное соотношение аудиального и визуального. Мы ищем истину звука, но слыша симфонию европейской культуры, важно и увидеть многое.

Итак, от силы колокольного звона символический звонарь европейской культуры «глохнет», и тогда аудиальное трансформируется в визуальное. И когда на сцену выходит европейская живопись, во всем разнообразии эпох, стилей и направлений, с ее неповторимыми женскими образами, мы не вправе унифицировать эту пестро-

ту в согласии с некой метафизической схемой. Образ женщины в европейском искусстве, безусловно, не сводим к единому метафизическому канону. Образ Пресвятой Девы или образ Прекрасной Дамы – эти образы несут определенного возвышенность, дают ощущение трансцендентности женского начала. В Средние века женские образы не сразу оформляются в европейской культуре. Семиотические коды живописи передаются через каменные и стеклянные «книги-откровения». Изображения мадонн в храмовых орнаментах. Знаменитый средневековый гобелен «Дама с Единорогом». Культ идеальной куртуазной любви. Новые каноны и новые формы в изображении женщин на порталах и стенах средневековых готических соборов. Прекрасные одухотворенные женские лики, например, Санта-Модеста на северном портале Шартрского собора. «Образы вечной женственности. «Беатриче» Данте Алигьери и «Лаура» Франческо Петрарки. «Мона Лиза» Леонардо да Винчи и мадонны Рафаэля. Не сразу появляется такое явление как куртуазность. Но ощущение трансцендентности женского, особенности поведения и этикета, связанные с этим остаются. И это происходит параллельно с тем, что реформация с ее неприятием визуальных изображений, с культом, который парадоксальным образом совмещает Дело и Слово (вспомним «Фауста» И.В.Гёте – «в начале было Дело»), накладывает свой неизгладимый отпечаток на европейское мирозерцание.

Вообще, если мы говорим о культе идеального в европейской культуре, то он удерживает восприятие в пределах определенной образной системы. Для культур южной части Европы, это, как правило, визуальность Женского. Особенно хорошо это выражено в искусстве Италии и Франции. Таким образом, все мироздание, вся метафизическая сцена существуют как жертвоприношение неметафизическому. Шекспировские стрелки часов – тираны (у У.Шекспира англ. *tyrants*) служат тому, что вне метафизического циферблата, служат этому великому жертвоприношению, так же, как Квазимодо служит Эсмеральде. Однако надо помнить, что оседлость, в силу влияния европейской религиозной культуры, напоминает скорее трансцендентальную «подвешенность», чем «укорененность» в земле. «Близость к земле» означает, прежде всего, то, что человек завоевывает простор земли, стремится к завоеваниям. Сначала, в эпоху падения Рима, это племена варваров, много позже, во времена Реформации, это грубые, но весьма практичные крестьяне и ремесленники, чьими руками разрушались реликвии католических храмов севера Европы, отображающие божественное бытие. В

⁷ Ницше, Ф. Сочинения .... – С.340.

⁸ Гайденко, П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX в. / П.П.Гайденко. – М.: Республика, 1997. 495 с.

начале Нового времени это бюргеры, способные ограничить текучее, свободно текущее время рамками трудового дня, и в то же время, в мерном тиканье напольных и настенных часов услышать новый ритм бытия, доселе неведомый смертному.

Поздний Хайдеггер склоняется к тому, что не человек создал язык, а язык сделал человека. Одной из самых характерных работ этого периода является статья «Die Sprache», «Язык». Да, сущность человека покоится в языке, но сущность языка покоится не в человеке. Язык имеет исток своим запредельное, внечеловеческое. На глубинном онтологическом уровне язык есть «звон тишины», *das Geläut der Stille*. «Тишина» или «покой», по мысли великого онтолога, всегда «подвижнее всякого движения»⁹. Движение как частный случай покоя – прямая антитеза постулатам аристотелевской метафизики. Помимо покоя бездействия и мысленного опустошения существует тот «бесконечный покой, в котором подвижны все силы и все связи», это «не пустой, а живой покой, в котором все силы подвижны». В Гётевском «Фаусте» «призрак, хмарь» европейской жизни противостоит подлинности колокольного звона. Визуальный оптический образ на

экранах, сопровождаемый закадровым голосом, заглушает звуки природного мира. Преобразование мира, для которого природа не храм, а мастерская колокольный звон, в переводе Н.А.Холодковского, «как выстрел... в сердце бьет» (в оригинале *tückischer Schuß* – «предательский выстрел»). Оптически созерцаемая бесконечность мира (*Vor Augen ist mein Reich unendlich*) противостоит дразнящему, мерному колокольному звону за спиной (*neidische Laute*). Однако, источник этого звона – сама природа, которую Фауст, во что бы то ни стало, рвется покорить, поработить. Поэтому понятия колокольный звон и звенящая тишина природы могут быть соотнесены по смыслу.

Итак, сегодня, чтобы противостоять рутине обыденной жизни, преодолеть мерцание симулякров, необходимо ощутить живое присутствие бытия. Для этого в той или иной мере надо научиться восприятию сокровенной архитектоники бытия через его поэзию, создать храм бытия в языке, и, слушая его сокровенный звон, самому стать его «пастором».

---

⁹Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет ....

MARTIN HEIDEGGER: THE ARCHITECTONICS OF ORIGINAL MODALITIES OF CULTURE

© 2015 V.B.Malyshev^o

Samara State Technical University

In this study, Martin Heidegger's concept of the language origin intertwines with the semantics and architectonics of acoustic perception of the facts of European spiritual culture. In accordance to Heidegger's idea, the person acts as a "shepherd" of being, carrying out his ministry and transmitting the truth in culture.

Keywords: being, architectonics, language, culture, acoustic, visual, the semantics of bell ringing.

---

^o Vladislav Borisovich Malyshev, Doctor of philosophy, Associate professor of Department of philosophy.
E-mail: vlmaly@yandex.ru